

С. А. Жилюк

Санкт-Петербургский государственный университет

## **ДНЕВНИК Д. Г. МЕССЕРШМИДТА: ПРОБЛЕМА ЖАНРА — ПРОБЛЕМА СТИЛЯ**

Статья посвящена определению стилистической принадлежности дневниковых записей Д. Г. Мессершмидта, созданных в ходе его экспедиции по Сибири в 1720—1727 гг. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки методов диахронического анализа для идентификации функциональных стилей и их разновидностей на ранних этапах формирования немецкого научного дискурса (XVII—XVIII вв.), когда доминирующим языком науки оставалась латынь. Цель работы заключается в выделении в тексте дневника за 1723 г. маркеров, характерных для научного стиля, и в определении его жанровой специфики. Материалом для исследования послужил второй том академического издания дневника. С использованием стилистического, семантического, сопоставительного и контекстуального анализа установлено, что несмотря на наличие субъективных, эмоциональных и бытописательных элементов тексты записей Д. Г. Мессершмидта содержат развернутую систему ссылок на труды предшественников (Турнефора, Лезелиуса, Витсена и др.), перекрестные отсылки в другим дневниковым записям, обширный терминологический аппарат (более 200 терминов из области ботаники, зоологии, астрономии и др.), а также фрагменты разработанных самим Мессершмидтом научных классификаций (например, солей), выполненные на латыни. По своей интенции и функции (черновая фиксация и первичный анализ материала для будущего научного труда) дневник Мессершмидта следует рассматривать как переходный, но, безусловно, научный текст, сочетающий в себе строгость изложения с живостью травелога — жанра, получившего широкое распространение в Европе и особенно в Германии в XVII—XVIII вв. Сочетание выделяемых на современном материале маркеров научного и публицистического стилей было свойственно для естественных наук вплоть до середины XX в. В связи с этим можно утверждать, что записи Мессершмидта представляют ранний научный документ на немецком языке, а их анализ позволяет считать целевое назначение текста, а не формальное его соответствие современным стилевым нормам ключевым критерием диахронической стилистической атрибуции.

**Ключевые слова:** Даниэль Готлиб Мессершмидт; научный стиль; история немецкого языка; дневник экспедиции; история науки; травелог

### **Введение**

Вопросы исторической стилистики в настоящее время находятся в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей немецкого языка, однако и сегодня можно повторить слова Н. Н. Семенюк, сказанные ею более четверти века назад: «Историческая стилистика ... еще находится на раннем этапе своего развития» (СЕМЕНЮК 2000: 5). В своей книге «Очерки исторической стилистики» она подводит итог многолетней и многосторонней деятельности и видит в исторической стилистике потенциал к синтезу знаний различных областей германистики, которые активно исследовались на протяжении второй половины XX в. Функциональные стили немецкого языка были тщательно описаны в ряде отечественных трудов, из которых особо следует выделить книгу М. П. Брандес *Стилистика немецкого языка*, но почти все они отражают ситуацию в синхронии конца XX в. и лишь поверхностно затрагивают проблему формирования функциональных стилей на различных этапах исторического развития немецкого языка.

В XIX в. — первой половине XX в. немецкий язык воспринимался как международный язык науки; свои позиции он стал терять только после Второй мировой войны (АММОН 2001). До XVIII в. доминирующим языком университетского образования в немецких государствах оставалась латынь, несмотря на неоднократные попытки использовать немецкий язык для устной научной коммуникации (PRINZ 2021; ИВАНОВ & ИВАНОВА 2024; БАЕВА 2025). Таким образом, XVII—XVIII вв. представляют особый интерес для изучения процессов становления немецкоязычного научного дискурса.

Статья ставит целью определить маркеры, характерные для немецкого научного стиля начала XVIII в. Достижение этой цели позволит наметить пути анализа исторических текстов для определения их стилистических характеристик, а также разработать методы, которые связывали бы конкретный исторический текст с определенным стилем.

### Материал и методы

Несмотря на известное изречение Бертольда Регенбургского («die ungelêrten liute glauben in tiusche lernen unde die gelêr in bucschischem» [BERTHOLD 1862: 443]. «Необразованные люди должны учить молитву по-немецки, а образованные — по-книжному», т. е. на латыни; цит. по: [БАЕВА 2025: 39]) уже в XIV в. немецкий язык начинает использоваться не только в официально-деловом дискурсе, но и в научных целях. Об этом, в частности, свидетельствует появление на немецком языке трактата Конрада Мегенбергского *Buch von den natürlichen Dingen* (1349—1350 гг.), который является компиляцией ранних латинских источников (GOTTSCHAL 2004). В XIII—XV вв. немецкий язык использовался и в церковно-правовой литературе (БОНДАРКО 2014). Однако интерес к античности в эпоху Ренессанса XV—XVI вв. вновь привел к усилению роли древнегреческого и латинского языков в научной сфере.

Одновременно с этим немецкий язык упрочивает свои позиции в качестве письменного языка благодаря Мартину Лютеру и другим деятелям Реформации, в летучих листках религиозных войн зарождается и формируется немецкий публицистический стиль (STÖBER 2000: 37), развивается художественная литература на немецком языке, в том числе широкое распространение получает жанр *Reisebericht* (травелог). Травелоги знакомили читателей с потенциальными маршрутами путешествий и основными достопримечательностями городов, которые встречались на маршруте (LANDWEHR 2001).

Генезис жанра травелога восходит к античной традиции фиксации впечатлений от путешествий (HUENEN 1990). Свою дальнейшую эволюцию жанр обретает в нарративах средневековых паломников и странников. В русской культуре репрезентативными образцами раннего травелога являются *Хождение за три моря* Афанасия Никитина, а также статейные списки — отчеты русских дипломатических миссий (ЛИХАЧЕВ 1954: 346). К XVII столетию травелог конституируется как самостоятельный литературный жанр (DOIRON 1988), ставший впоследствии катализатором для формирования философских концепций эпохи Просвещения, базирующихся на компаративном анализе раз-

ных цивилизаций (МАЙГА 2014).

В немецкой культурной традиции травелог получает распространение с начала Нового времени, причем его задачей является не только развлечение читателя, но и его просвещение. Постепенно Reisebericht эволюционирует в форму, приближающуюся по своему характеру к энциклопедическому своду сведений:

Der Reisebericht entwickelte sich zwischen dem 16. und 18. Jahrhundert zu einer fast enzyklopädischen Auskunftform und wurde damit schließlich zu einem wichtigen Medium der Aufklärung (BÖNISCH-BREDNICH 2007: 127).

С некоторой долей допущения к жанру травелога могут быть отнесены два самых известных текста с описанием России XVI—XVII вв.: *Rerum Moscoviticarum Commentarii* («Записки о Московии») Сигизмунда фон Герберштейна и рассказ о путешествии через Россию в Персию Адама Олеария, вышедший в середине XVII в. Оба текста фокусируются на политике, экономике и бытовой стороне жизни в России, однако представляется симптоматичной смена языка: во второй половине XVII в. травелог на немецком языке находил своего читателя.

Для жителей немецких земель второй половины XVII в. Россия, по крайней мере до Волги, была не совсем «экзотикой», чему способствовала активная деятельность Ганзейского союза, который, хотя и утратил свои позиции в общеевропейском масштабе, но все еще выполнял важные торговые функции в Балтийском регионе, способствуя экономическому и межкультурному обмену. Не случайно в XVI—XVII вв. немецкие купцы изучают русский язык (АЛЕКСЕЕВ 1984: 4), а в Северной Германии появляются немецко-русские разговорники: *Ein Rusch Boek* (1586), разговорник Тонни Фенне (1607), словарь-разговорник Арнольда Брандта (1673). Как отмечает Г. А. Баева, при составлении разговорника Фенне использовалась запись со слуха (БАЕВА 2021: 241), следовательно, между балтийскими немецкими городами и Россией существовали тесные межкультурные контакты, обусловленные общими экономическими интересами.

Едва ли можно считать случайным, что именно в Ганзейском городе Данциге родился автор первого научного описания России — Даниэль Готлиб Мессершмидт (\*1685 — †1735), который

по поручению Петра Великого совершил путешествие по Сибири с целью проведения всестороннего научного исследования. Разногласия с Академией наук в лице ее президента Л. Л. Блюментроста, а также смерть Петра I привели к тому, что Мессершмидт не смог опубликовать результаты своих трудов. Однако дневник, который он вел во время экспедиции, был востребован учеными вплоть до конца XIX в.: Г. В. Стеллер, И. Г. Георги, П. С. Паллас и другие восхищались скрупулезностью этих дневниковых записей (PALLAS 1782). В 1960-х гг. дневник Мессершмидта был опубликован в ГДР с купюрами, в настоящее время ведется работа по его переводу на русский язык.

Дневник Мессершмидта представляет интерес не только для исследователей, занимающихся историей науки. Написанный на немецком языке, он содержит подневные записи о событиях, которые происходили с Мессершмидтом, описания предметов, которые путешественник открыл и посчитал новыми для науки. Таким образом, дневник содержит сведения о научной деятельности, что позволяет говорить о научности его стиля.

Для проверки этой гипотезы предлагается обратиться к записям Мессершмидта за 1723 г., в которых он описывает свое пребывание в Красноярске, а также путь вниз по Енисею через Туруханск до реки Лены и вверх по ней до Иркутска. В качестве непосредственного материала исследования используется 2-й том издания D. G. Messerschmidt. *Forschungsreise durch Sibirien. Teil 2: Tagebuchaufzeichnungen Januar 1723 — Mai 1721*, вышедший в Берлине в 1964 г. Несмотря на критику этого издания В. Лефельдом (LENFELDT 2023: 418–419) для целей настоящей статьи воспроизведенный в нем текст в полной мере может быть проанализирован с точки зрения наличия в нем маркеров научного стиля.

Достижение поставленной цели на указанном материале предполагает использование методов стилистического и семантического анализа, что свидетельствует о наличии или, наоборот, отсутствии маркеров научного стиля в тексте дневников Мессершмидта. Кроме того, диахронический подход к проблеме стиля диктует необходимость обращения к сопоставительному и контекстуальному анализу.

### **Результаты исследования и их обсуждение**

Научный дискурс объединяет большое количество устных и письменных типов текста, поэтому его характеристики достаточно размыты. Рассматривая дневник экспедиции Мессершмидта, речь идет о письменном тексте, поэтому в первую очередь следует обратить внимание на те признаки, которые характерны для письменных текстов научного стиля. «Специфика научного мышления определяет основное качество научно-технического стиля — его обобщенно-отвлеченный характер... логический характер научного познания и его объективность» (БРАНДЕС 1990: 178). Исследователи подчеркивают синтаксическую полноту оформления высказывания, именной характер высказываний, развернутую систему связующих элементов, характерные для научной речи (ibid.: 186). По определению Н. Д. Арутюновой, логическая расчлененность сложного синтаксического целого представляет собой иерархическую прозу (АРУТЮНОВА 1972). Для лексики научного текста характерны точность, однозначность толкования, следовательно, вполне оправдано употребление терминов (БРАНДЕС 1990: 187; RIESEL & SCHENDELS 1975: 82). Отсутствие эмоциональной составляющей в научных текстах подчеркивал В. В. Виноградов:

Функция научного мышления — осознание мира через логическое освоение его путем понимания, путем превращения фактов познания в смысловые (логические) категории, понятия, лишенные экспрессивных красок и эмоциональной нагрузки (ВИНОГРАДОВ 1962: 3).

Научный дневник или дневник экспедиции до настоящего момента не выделялся лингвистами как особый тип текста в рамках научного стиля. Вероятная причина тому — неоднородность, разнообразие видов экспедиционных дневников, многие из которых отражают сиюминутные языковые предпочтения того или иного ученого. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить дневник А. фон Гумбольдта, который тот вел во время путешествия в Россию и в который записывал отрывочные слова и словосочетания, с его же дневником путешествия в Южную Америку, который завоевал популярность среди европейских читателей благодаря сочетанию почти художественного стиля и

научной новизны. Таким образом, определение стиля дневника Мессершмидта и его отнесение к определенному типу текста по-прежнему остаются актуальной задачей.

Прежде, чем перейти непосредственно к анализу текста дневника, следует обратить внимание на указ Петра Великого:

...Доктора Мессершмидта послать в Сибирь для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей, трав, цветов, кореньев и семян и протчих принадлежащих статей в аптекарские составы... (ПЕРВЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СИБИРИ Д. Г. МЕССЕРШМИДТ... 2019: 201).

Иными словами, перед Мессершмидтом ставилась конкретная задача — искать раритеты и лечебные растения и вещества, — которую он по собственному почину расширил и дополнил, поскольку «имел все данные сделаться великим натуралистом» (ВЕРНАДСКИЙ 1988: 158). Мессершмидт уже тогда предполагал, что Сибирь окажется лишь промежуточным этапом в его путешествии в загадочный для европейца его эпохи Китай, однако в поездке в Китай ему было отказано.

Немаловажную роль в определении задач экспедиции сыграли лейб-медик Р. Арескин и И. Ф. Брейне, которые составили перечень конкретных научных вопросов, ответы на которые должна была дать экспедиция Мессершмидта. Таким образом, можно характеризовать задачу, поставленную перед ученым организаторами его путешествия, как по-настоящему научную, следовательно, и отчетные документы Мессершмидта (а к их числу можно отнести и дневник ученого) предполагали научное содержание.

В списке вопросов, подготовленных Брейне, обращает на себя внимание преобладание вопросов естественнонаучного, а не гуманитарного характера, в то время как в дневнике Мессершмидта значительное место занимает описание быта, дорожных происшествий, этнографии и языковых особенностей народов Сибири. В этом отношении дневник Мессершмидта не соответствует современным требованиям к научному тексту: большое место в нем занимают описания природы, пиетистские рассуждения, полные удивления заметки об отношении с местными властями с фиксацией речевых оборотов, в которых вы-

ражались эти отношения: mit sehr harten Worten, Jaebionamatt! Pluth-Moschénnük, Bledin Ssinn (04.04<sup>1</sup>). Следует подчеркнуть, что подобные крепкие выражения представляли для Мессершмидта безусловный интерес с точки зрения этнографии и лингвистики.<sup>2</sup>

Научные тексты не всегда отличаются сухостью (БРАНДЕС 1990: 181–182), и дневник Мессершмидта представляет собой «живой» научный текст, для которого вполне объяснимо использование языкового инструментария научного стиля, например, ссылки на труды других ученых. Это в полной мере относится к анализируемым записям, в которых встречаются отсылки к научному наследию Ж. П. де Турнефора — французского ботаника, одного из основоположников классификации растений: ...eine Art Carvi Tournefortii... (15.02); Calamintham vulgarem exiguo flore (C. B. et Tournefortii sp. 7) (01.06); ...Pinum sativam (Tournefortii sp. 1)... ein mir unbekanntes Kraut... welches ad Classem XV Tournefortii zu referieren (02.06). Инициалы «С. В.» в записи от 1 июня принадлежат швейцарскому ботанику Каспару Баугину, на которого Мессершмидт ссылается и в других местах наряду с де Турнефором: Veronica alpina Bellidis folio hirsuta (C. B., (non est) Tournefortii sp. 14)... (25.07); Potamogeiton foliis latis splendentibus (C. B. et Tournefortii sp. 4)... (27.07). В большинстве случаев ссылки оформляются в круглых скобках, при этом в ряде мест ссылка на автора или конкретную работу интегрирована в текст дневника: wie es Herr Loeselius gar akkurat in seiner „Flora Prussica“ bemerkt. (13.06); ...des Herrn van Witsen Karte, in welcher diese Station auf 67°30' angegeben, gar sehr fallieret (14.06).

Необходимо отметить систему перекрестных ссылок на предыдущие или будущие записи, оформленные в том числе в виде маргиналий — примечаний самого Мессершмидта к своим

<sup>1</sup> Здесь и далее после примеров и цитат из дневника Мессершмидта приводится ссылка в формате «дата.месяц» без указания года, так как все примеры извлечены из записей за 1723 г.

<sup>2</sup> В стороне остается вопрос о том, знал ли Мессершмидт русский язык. Судя по тому, как он передает русские слова в своем дневнике, в определенной степени русским языком он владел. Подробнее см. в (Жилюк 2026).

записям. Такие ссылки вводятся с помощью латинского *vide*: *Ihre Sprache betreffend (vide die 17. Junii) (11.07); die Dostschanik (vide 1. Septembris et 27. Maii)...* Denstschik Michajla Bachmet'ev (*vide 28. Mai 1722*)... (16.09).

Ссылки на работы других исследователей присутствуют также в тех записях, в которых Мессершмидт сравнивает данные своих замеров с ранее полученными. В записях от 21 и 25 мая 1723 г. Мессершмидт определяет широту Енисейска и прямо сопоставляет ее с данными капитана Табберта, а также лейтенанта Маттерна:

...fand ... latitudo loci in Enisejsk 58°33', ohngeachtet Herr Kapt. Tabbert den 23. Martii 1722 selbige auf 58°44' angesetzt. (21.05);  
Gegen Mittagszeit wurd' es schön, klar Wetter, so daß ich abermal elevationem poli nehmen konnte, und fand ... latitudo in Enisejsk (wie vorhin die 21. Mai) 58°33', so daß ich mich wundere, wie Herr Kapitän Tabbert 58°44' und Herr Leutnant Mattern gar 59°11' pro elevatione poli in Enisejsk angesetzt (25.05).

В записи от 21 апреля Мессершмидт сравнивает полученные результаты наблюдений с предыдущими и признает, что не понимает причину их разницы:

...Und wäre also die latitudo vera in Kranojarskia 56°2'47"15". Ich habe aber voriges Jahr den 6. Octobris laut ebenselbigen Tabellen und calculo latitudinem Krasnojarskiae veram 56°11'30" gefunden, so daß ich nicht wissen kann, woher diese Diskrepanz entstehet... (21.04).

Стремление к систематизации своих знаний проявляется не только в том, что Мессершмидт старается соотнести найденные им растения и животных с известными и описанными видами, но и в том, чтобы классифицировать объекты природы, которые до него еще не подвергались классификации. Ярким примером служит запись от 23 марта, в которой Мессершмидт представляет оригинальную классификацию солей по аналогии с классификацией растений, предложенной де Турнефором. Объем настоящей статьи не позволяет цитировать всю запись, однако имеет смысл обратить внимание на ее вводную часть:

Bei dieser Gelegenheit meditierte, ob es nicht möglich und sehr zu-  
träglich sein möchte, einen Pinacem mineralicum oder Institutiones

rei mineralogicae in Form und Methode der Institutionum rei herbariaca Tournefortii durch Classes, Sectiones und Genera einzurichten und alle Species individuas unter ihre nächsten Genera, die Genera aber in gewissen Sektionen und folglich die zusammengehörende Sektionen unter ihre Klasse und endlich die sodann sich eröffnende Klassen in natürliche Ordnung zu rangieren. Sed hoc opus! Hic labor! Eines Mannes Werk, und zwar in desertam, wo keine subsidia literaria, weder vivi noch mortui doctores zu konsultieren sind, möchte es vielleicht nicht sein, doch aber würde es zur andern Zeit anderen Gelehrten Gelegenheit und stimulos geben können, diesen laborem affectum geschickter auszuarbeiten. Und zwar speciminis oder vielmehr tentaminis ergo habe folgenden Entwurf hieher gesetzt:

Classis (indefinitae) Sectio (indeterminata), Genus primum: Sal commune.

Sal commune est mineralis genus solidum pellucidum, in aqua solubile iterumque in crystallos hexaedricas albas maiores minoresve coagulabile, interdum etiam in cubicas.

Eius species sunt sequentes:

1. Sal commune fossile Salzбургense Carpaticum, Agric. N. F. 3.
2. Sal commune fossile Torrenбургense Carpaticum, Agric. N. F. 3... (23.03)

Далее в записи приводится 79 разновидностей соли. С точки зрения языка, Мессершмидт, использующий в дневниках немецкий язык, всегда переключается на латынь, когда речь идет о сугубо научном описании изучаемого им предмета. Вводная информация представляет собой смешение немецкого и латинского элементов, причем можно утверждать, что ученый проявляет здесь свое чувство юмора: *in desertam, wo keine subsidia literaria, weder vivi noch mortui doctores zu konsultieren sind* («Там, где нет литературной опоры, нет ни живого, ни мертвого ученого, с коим можно было бы проконсультироваться») (перевод наш — *авт.*).

Подобное включение латинских лексем, словосочетаний, выражений и целых абзацев на латыни в немецкий текст экспедиционного дневника вполне характерно для Мессершмидта. Получивший образование в латиноязычной университетской среде, он ведет дневник в качестве подготовительного, «рабочего» документа, на который он, вероятно, планировал опираться при составлении научного описания Сибири.

С точки зрения лексики, научный стиль всегда характеризуется значительным количеством терминов (БРАНДЕС 1990; RIESEL & SCHENDELS 1975). В анализируемом материале зафиксировано более 200 терминов из различных областей знания, большая часть из которых являются латинизмами. Наиболее многочисленными являются латинские термины из областей:

- ботаники: *Melilotus coerulea* (15.02), *Fagopyrum Tataricum* (08.05), *Chamae rhododendros* (25.03);

- зоологии: *Moschus capreolum* (21.01), *Bubo maximus* (21.07), *Anas caudacuta* (27.08);

- астрономии: *Elevatio poli* (21.04), *Declinatio solis* (21.04), *Refractionis luminis solaris* (22.12);

- медицины и анатомии: *Pulvis Purgans* (22.01), *Injectionis* (22.01), *Terebinthina argenteratensis* (12.09).

Наряду с латинскими терминами Мессершмидт пользуется и немецкими обозначениями, особенно часто в области геологии: *Bernstein* / *Succinum* (28.02), *Eisenstein* / *Minera Martis* (07.02), *Rötelstein* (08.05), *Bergkristall* (11.07), *Steinkohle* / *Lithanthrax* (01.08), *Schiefer* (01.08). В приведенных примерах немецкие термины соседствуют с латинскими, и этот факт подтверждает, что дневник Мессершмидта отражает этап становления стиля немецкого научного изложения.

Немецкие лексемы используются Мессершмидтом и при описании географии и погоды: *Strom*, *Landkarte*, *Sturm*, *Regen*, *Grundeis*, *Gestöber* — эти термины используются им многократно, так как практически в каждой записи ученый описывает пройденный путь и фиксирует погодные условия. Любопытно отметить, что среди наименований географических объектов присутствуют заимствования из русского языка: *Ostrog* (09.01), *Werschina* (13.01), *Wolok* (28.01), *Porog* (24.03), *Ozero* (27.03). Мессершмидт использует значительное количество русизмов и для описания местных реалий: должностей и титулов (*Prawitel* — 24.06, *Desätnik* — 22.11), профессий (*Podwodtschiken* — 04.05), средств передвижения (*Dostschanike* — 25.05), документов (*Podoroschni* — 19.05, *Ukasen* — 13.02, и даже записанная русскими буквами лексема *сказка* в значении 'отчет' — 19.06). Этнографическое изучение Сибири не входило в задачи экспедиции, одна-

ко интерес Мессершмидта к местному населению, их обычаям, традициям, языку вполне очевиден:

Ihr Habit war ohne Unterschied des Alters, Standes oder Geschlechtes durchgehends von einer Fassung, und Mann und Weib gleich... Die Haut auf der Stirn, am Kinn und zur Seiten der Wangen war mit blauen Figuren bezeichnet... Die Augen waren klein und im innern Winkel zusammengezogen, die Nase breit und platt, wie bei den Kalmuken und Mongolen... (11.07)

На страницах дневника Мессершмидт фиксирует и свои действия по изучению объектов природы, составляет своего рода протоколы. Например, в записи за 29 апреля содержится описание препарирования птиц, в записях за 16-18 ноября протокол вскрытия кабарги, сделанные на латинском языке.

Вместе с тем Мессершмидт включает в дневник сведения, которые не типичны для научного сочинения. Их стиль отличается от стиля записей, посвященных изучению научных предметов. Например, в записи за 3 мая Мессершмидт воспроизводит свой диалог с местным воеводой, который подменил его лодки:

Ich... verfügte mich derowegen sofort zum Woiwoden und hielt ihm seine Unbilligkeit für, bate ihn auch, entweder mir solche Fahrzeuge anweisen zu lassen, als ich gebrauchte, nicht aber, als er selbst gelüstete, widrigenfalls ich gezwungen wäre, laut Ihrer Majestät Ukasen meine Reise zu poussieren und Böte zu nehmen, wo ich sie fände. Er ließ mir solches endlich frei, ich möchte es in Gottes Namen tun, bessere hätte er jetzno nicht. (03.05)

Мессершмидт ярко описывает бытовые сцены, свидетелем которых он становится. В записи за 11 февраля он рассказывает о карточном шулерстве и пьянстве посетителей кабака и о последовавшем за этим разбирательстве у воеводы; подробно описывает Мессершмидт и визит неприятного ему провинциал-фискала Полуектова (22.12) и свое поведение при его появлении.

В дневнике содержатся многочисленные оценочные суждения, в том числе касающиеся вопросов веры и религии, что несколько противоречит современным представлениям о научном стиле. В записи о празднике Водосвятия Мессершмидт с возмущением рассказывает, что местное духовенство не поощряет чтение Библии простыми людьми:

Wohl aber von allen Russen bisher informiert worden, es sei ein gefährlich Buch, und diejenigen, so etwas darinnen studieren wollten, würden sofort im Verstande verrücktet... (06.01)

Часто критике подвергаются верования коренного населения Сибири:

Daß die Tataren ihm eine Wurzel genennet, so alle Wunden heilte, wäre aber fürsichtiglich zu graben nötig, daß des Tages Licht nicht darauf fiel indem man selbige aus der Erden hervorziehet... Mein Diener aber ... berichtete uns, daß er ... hatten sie diesen Sommer wohl zwanzigmal aus der Erde gerissen, ohne dergleichen Gewitter zu spüren (09.01).

Нельзя утверждать, что подобное отношение к чужой картине мира и чужим представлениям являлось для европейских ученых необычным; даже более поздние авторы эпохи Просвещения противопоставляли европейцев и «дикарей». Однако в настоящее время оценочность и субъективность не соответствуют критериям письменного научного стиля.

Заметим, что инструменты синхронного стилистического анализа далеко не всегда применимы при изучении исторических текстов. В случае с дневником Мессершмидта следует очевидно опираться не только на формальные языковые маркеры, но и на авторский замысел. Подобный анализ применяется в практическом переводоведении: перед переводом текста выполняется его предпереводческий анализ, во время которого следует ответить на ряд вопросов, касающихся обстоятельств создания исходного текста. Кроме того, при переводе важно понимать интенцию автора — с какой целью он создавал свой текст (АЛЕКСЕЕВА 2004: 257–258). Такой подход в отечественной традиции получил название функциональной теории перевода, а в зарубежной — теории скопос.

Чтобы соотнести конкретный исторический текст с определенным функциональным стилем, следует не только определить доминирующие стилистические черты, но и, проанализировав текст в целом, указать на интенцию автора и функцию всего текста. Главная цель дневника Мессершмидта заключалась в черновой фиксации увиденного и первичном анализе материала — естественнонаучного и гуманитарного. Функция дневника —

это также рассказ о ходе экспедиции, обстоятельствах получения фактического материала и результатов, которые могли бы быть использованы в ходе научного анализа, если бы Мессершмидту удалось составить полноценное научное описание Сибири. Поскольку в силу ряда обстоятельств он не смог написать и опубликовать подобную монографию, именно дневник следует считать основным научным документом его экспедиции.

### **Заключение**

Дневник экспедиции Мессершмидта представляет собой переходный текст в истории становления немецкого научного стиля. До XVIII в. доминирующим языком науки в германских землях была латынь. В дневнике Мессершмидта были зафиксированы части текста на латинском языке, посвященные научным проблемам или являющиеся протоколами исследований образцов. Большая часть текстов написана на немецком языке.

Для дневника Мессершмидта характерна терминологичность: в записях содержится более двухсот терминов на латинском, немецком и даже русском языках, причем последние в основном в виде транслитерированных слов и словосочетаний. Редкие вкрапления слов, написанных кириллицей, подтверждают гипотезу, что Мессершмидт также владел русским языком.

В записях Мессершмидта зафиксировано большое количество ссылок на современников и предшественников, в первую очередь, в области ботаники, зоологии и геологии. Эти сферы находились в фокусе внимания ученого, поскольку именно они были определены в указе Петра Великого о посылке экспедиции для изучения Сибири. Благодаря ссылкам на труды других ученых Мессершмидт помещает свой дневник в контекст международной науки, и это также позволяет говорить о дневнике как о черновом, рабочем, но все-таки научном тексте.

Несмотря на отклонения от современных требований к научному письму по своей функции текст дневника Мессершмидта вполне может быть отнесен к научному стилю. В диахроническом анализе именно функцию текста следует считать ключевым фактором для его отнесения к тому или иному стилю. В дневнике Мессершмидта объективно сочетаются терминологичность и латинизмы, система ссылок, сокращений, а

строгие научные классификации с живостью изложения, характерной для публицистики. Подобный стиль, сочетающий маркеры научного и публицистического стилей, был свойствен естественной науке не только в XVIII в., о чем красноречиво писал уже в XX в. геофизик и писатель О. Куваев:

Старики-классики писали геологические романы... Они великолепно знали русский язык. Они не ленились описать пейзаж, так чтобы ты проникся их настроением, их образом мыслей (КУВАЕВ 1979: 139).

Именно о таком научном «романе» можно говорить применительно к дневнику Мессершмидта, который, если судить по появляющимся в последнее время переводам на русский язык, воспринимается не только как научный документ, но и как увлекательный травелог. И вместе с тем его записи отражают ранний этап становления немецкоязычного научного дискурса, представляя значительный интерес не только для историков, но и для лингвистов.

Благодарности: Гаврилюк М. А. — помощь в изучении вопросов исторической стилистики; Корлыханов Д. И. — идея о применимости методов переводоведения к стилистическому анализу, Давлетшина Л. Р. — помощь в анализе терминологии.

### Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Алексеев М. П. Русский язык в мировом культурном обиходе // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 3—14. [Alekseev, Mikhail P. (1984) *Russkiy yazyk v mirovom kul'turnom obikhode* (The Russian Language in World Cultural Use). *Voprosy yazykoznaniya* (Topics in the Study of Language), 2, 3—14. (In Russian)].
- Алексеева И. С. Введение в переводоведение. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. [Alekseeva, Irina S. (2004) *Vvedeniye v perevodovedeniye* (Introduction to Translation Studies). Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU; Moscow: Akademiya. (In Russian)].
- Арутюнова Н. Д. О синтаксических типах прозы // Общее и романское языкознание. М.: МГУ, 1972. С. 189—200. [Arutyunova, Nina D. (1972) *O sintaksicheskikh tipakh prozy* (On Syntactic Types of Prose). In: Stepanov, Yuriy S. (ed.) *Obshcheye i romanskoe yazykoznaniye* (General and Romance linguistics). Moscow: Moscow State University,

189—200. (In Russian)].

Баева Г. А. К становлению типа текста «академическая лекция» в Германии // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 35—58. [Baeva, Galina A. (2025) K stanovleniyu tipa teksta “akademicheskaya lektsiya” v Germanii (To the Formation of the Text Type “Academic Lecture” in Germany). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov*, 22, 35—58. (In Russian)].

Баева Г. А. Национально-культурное своеобразие коммуникативного взаимодействия в отдаленные эпохи (на материале немецко-русского разговорника Т. Фенне 1607 года) // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2021. Вып. XI. С. 237—259. [Baeva, Galina A. (2021) Natsional’no-kul’turnoye svoebraziye kommunikativnogo vzaimodeystviya v otdalennyye epokhi (na materiale nemetsko-russkogo razgovornika T. Fenne 1607 goda) (National and Cultural Specificity of Communicative Interaction in Distant Epochs (based on the German-Russian Phrasebook by T. Fenne, 1607)). In: Filippov, Konstantin A. (ed.) *Nemetskaya filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete* (German Philology at Saint Petersburg State University), 11, 237—259. (In Russian)].

Бондарко Н. А. Языковые стереотипы как конструктивные элементы традиционного языка в немецкой духовной прозе XIII—XV веков // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2014. № 1. С. 429—451. [Bondarko, Nikolay A. (2014) Yazykovyye stereotipy kak konstruktivnyye elementy traditsionnogo yazyka v nemetskoй dukhovnoy proze XIII—XV vekov (Language Stereotypes as Constructive Elements of Traditional Language in German Religious Prose of the 13<sup>th</sup>—15<sup>th</sup> Centuries). *Acta Linguistica Petropolitana*, 1, 429—451. (In Russian)].

Брандес М. П. Стилистика немецкого языка. М.: Высшая школа, 1990. [Brandes, Margarita P. (1990) *Stilistika nemetskogo yazyka* (Stylistics of the German Language). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].

Вернадский В. И. Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии // Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. [Vernadskiy, Vladimir I. (1988) Ocherki po istorii estestvoznaniya v Rossii v XVIII stoletii (Essays on the History of Natural Science in Russia in the 18th Century). In: Yanshin, A. L. (ed.) *Trudy po istorii nauki v Rossii* (Works on the History of Science in Russia). Moscow: Nauka. (In Russian)].

- Виноградов В. В. О теории поэтической речи // Вопросы языкознания. 1962. № 2. С. 3—17. [Vinogradov, Viktor V. (1962) O teorii poeticheskoy rechi (On the Theory of Poetic Speech). *Voprosy yazykoznaniiya* (Topics in the Study of Language), 2, 3—17. (In Russian)].
- Жилюк С. А. Лексико-семантическая и грамматическая характеристика заимствований из русского языка в дневниках Д. Г. Мессершмидта // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2026. Т. XV. С. 220—236. [Zhilyuk, Sergey A. (2026) Leksiko-semanticeskaya i grammaticheskaya kharakteristika zaimstvovaniy iz russkogo yazyka v dnevnikh D. G. Messerschmidt (Lexico-Semantic and Grammatical Characteristics of Borrowings from the Russian Language in the Diaries of D. G. Messerschmidt). In: Filippov, Konstantin A. (ed.) *Nemetskaya filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete* (German Philology at Saint Petersburg State University), 15, 220—236. (In Russian)].
- Иванов А. В., Иванова Р. А. Ist der deutsche wissenschaftliche Diskurs noch am Leben? (= Жив ли еще немецкий научный дискурс?) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 171—193. [Ivanov, Andrey V. & Ivanova, Rimma A. (2024) Ist der deutsche wissenschaftliche Diskurs noch am Leben? (Is the German Scientific Discourse Still Alive?). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 171—193. (In Russian)].
- Куваев О. Территория. Ижевск: Удмуртия, 1979. [Kuvaev, Oleg. (1979) *Territoriya* (Territory). Izhevsk: Udmurtiya. (In Russian)].
- Лихачев Д. С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки / отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 319—347. [Likhachev, Dmitry S. (1954) Povesti russkikh poslov kak pamyatniki literatury (Tales of Russian Ambassadors as Literary Monuments). In Likhachev, Dmitry S. (ed.) *Puteshestviya russkikh poslov XVI—XVII vv. Stateynye spiski* (Travels of Russian ambassadors of the 16<sup>th</sup>—17<sup>th</sup> centuries. Article lists). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 319—347. (In Russian)].
- Майга А. А. Литературный трaвeлог: специфика жанра // Вестник ТГГПУ. 2014. № 3 (37). С. 254—259. [Mayga, Abdula A. (2014) Literaturnyy travelog: spetsifika zhanra (Literary Travelogue: Specifics of the Genre). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 3(37), 254—259. (In Russian)].

- Малыгин П. Д. Западноевропейские авторы XV—XVII вв. о России: материалы к биобиблиографическому словарю. М.: ИА РАН, 2018. [Malygin, Pavel D. (2018) *Zapadnoevropeyskie avtory XV—XVII vv. o Rossii: materialy k biobibliograficheskomu slovaryu* (Western European Authors of the 15<sup>th</sup>—17<sup>th</sup> Centuries about Russia: Materials for a Biobibliographic Dictionary). Moscow: IA RAN. (In Russian)].
- Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт. Письма и документы 1716—1721 / ред. Е. Ю. Басаргина. СПб.: Нестор-История, 2019. [Basargina, Yekaterina Yu. & al. (eds) (2019) *Pervyy issledovatel' Sibiri D. G. Messerschmidt. Pis'ma i dokumenty 1716—1721* (The First Explorer of Siberia D. G. Messerschmidt. Letters and Documents 1716—1721). Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian)].
- Семенюк Н. Н. Очерки по исторической стилистике немецкого языка. М.: ИЯ РАН, 2000. [Semenyuk, Natalya N. (2000) *Ocherki po istoricheskoy stilistike nemetskogo yazyka* (Essays on the Historical Stylistics of the German Language). Moscow: RAS Institute of Linguistics. (In Russian)].
- Ammon, Ulrich. (2001) English as a future language of teaching at German universities? A question of difficult consequences, posed by the decline of German as a language of science. In: Ammon, Ulrich. (ed.) *The Dominance of English as a Language of Science: Effects on Other Languages and Language Communities*. Berlin: Mouton De Gruyter, 345.
- Bönisch-Brednich, Brigitte. (2007) Reiseberichte. Zum Arbeiten mit historischen Quellen des 18. Jahrhunderts. In: Götsch, Silke & Lehmann, Albrecht. (eds) *Methoden der Volkskunde. Positionen, Quellen, Arbeitsweisen der Europäischen Ethnologie*. Berlin: Dietrich Reimer, 124—139.
- Doiron, Normand. (1988) L'art de voyager. Pour une définition du récit de voyage à l'époque classique. *Poétique*, 73, 83—108.
- Gottschall, Dagmar. (2004) \*Konrad von Megenbergs Buch von den natürlichen Dingen: ein Dokument deutschsprachiger Albertus Magnus-Rezeption im 14. Jahrhundert\*. Leiden; Boston: Brill.
- Huene, Roland le. (1990) „Qu'est-ce qu'un récit de voyage?“ dans Les modèles du récit de voyage. *Littérales*, 7, 11—27.
- Landwehr, Achim. (2001) Die Stadt auf dem Papier durchwandern. Das Medium des Reiseberichts im 17. Jahrhundert. *Jahrbuch für Kommunikationsgeschichte*, 3, 48—70.
- Lehfeldt, Werner. (2023) *Daniel Gottlieb Messerschmidt*. Göttingen: Universitätsverlag Göttingen.
- Messerschmidt, Daniel G. (1964) *Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. Teil 2. Tagebuchaufzeichnungen Januar 1723 — Mai 1724*. In: Winter,

- Eduard; Uschmann, Georg & Jarosch, Günther. (eds). Berlin: Akademie-Verlag.
- Pallas, Peter S. (1782) Nachricht von D. Daniel Gottlieb Messerschmidts siebenjähriger Reise in Siebirien. *Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völker-Beschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie*, 3, 97—158.
- Prinz, Michael. (2021) „Buntschäkkigte Universitätsprache“ und „gelehrt scheinender Mischmasch“: Codeswitching und language mixing in akademischen Vorlesungen der Frühen Neuzeit. In: Glaser, Elvira; Prinz, Michael & Ptashnyk, Stefaniya. (eds) *Historisches Codeswitching mit Deutsch*. Berlin: Walter de Gruyter, 303—330. (*Studia Linguistica Germanica*; 140).
- Riesel, Elise & Schendels, Yevgeniya. (1975) *Deutsche Stilistik*. Moscow: Verlag Hochschule.
- Stöber, Rudolf. (2000) *Deutsche Pressegeschichte. Einführung, Systematik, Glossar*. Konstanz: UVK Medien.

Sergei A. Zhiliuk  
Saint Petersburg State University

**D. G. Messerschmidt's Journal:  
The Problem of Genre — The Problem of Style**

The paper focuses on determining stylistic affiliation of Messerschmidt's expedition journal written in Siberia in 1720—1727. The relevance of the study stems from the need to develop methods of diachronic analysis for identifying functional styles and their varieties at the early stages of German scientific discourse (17<sup>th</sup>—18<sup>th</sup> centuries), when Latin remained the language of science. The paper aims at identifying markers of the scientific style in the 1723 journal entries and determining their genre specificity. The second volume of the academic edition of the journal presents material for study on the base of stylistic, semantic, comparative, and contextual analysis. It has been established that despite subjective, emotional, and common descriptive elements, the text contains an extensive system of references to predecessors (Tournefort, Loeselius, Witsen, et al.), cross-references to other entries, a vast terminological apparatus (over 200 terms from botany, zoology, astronomy, etc.), and fragments of scientific classifications developed by Messerschmidt (e.g., of salts) in Latin. By its intention and function (rough recording and primary analysis of material for further research), the journal is a transitional, but undeniably scientific text, with precision of exposition and vividness of a travelogue — a wide spread gen-

re in Europe and especially in Germany in the 17<sup>th</sup>—18<sup>th</sup> centuries. Combination of scientific and journalistic styles' markers, identified against contemporary criteria, was characteristic for nature sciences until the middle of 20<sup>th</sup> century. In this regard, it can be argued that Messerschmidt's notes represent an early scientific document in German, and their analysis allows us to consider the intended purpose of the text, rather than its formal compliance with modern stylistic norms, as the key criterion for diachronic stylistic attribution.

**Keywords:** Daniel Gottlieb Messerschmidt; style of scientific discourse; history of the German language; expedition journal; science history; travelogue

*Для цитирования:*

Жилюк С. А. Дневник Д. Г. Мессершмидта: проблема жанра — проблема стиля // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2026. № XXIII. С. 114—133.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-114-133.

*To cite this Article:*

Zhiliuk, Sergei A. (2026) Dnevnik D. G. Messerschmidta: problema zhanra — problema stilya (D. G. Messerschmidt's Journal: The Problem of Genre — The Problem of Style). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 23, 114—133. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-114-133.

*Статья поступила в редакцию 19.03.2026; принята к публикации 20.04.2026*

*The article was submitted 19.03.2026; accepted for publication 20.04.2026*